

А.К.Нефёдкин

БОЕВЫЕ СОБАКИ В ДРЕВНОСТИ

A.K.Nefiodkin. Battle Dogs in the Ancient World.

According to Classical sources, the Greeks knew about the military use of the dogs in Greece better than in the rest world. And so there is no clear understanding as to the use of battle dogs among the Hyrcanians, the Celts and the Garamantes. The earliest mentions of battle dogs come from Asia Minor, where in the early 1st millennium B.C. the chase from the chariot for deers and lions was very popular. Later on, even when a horse replaced a chariot, the passion for it preserved. Apparently, this chase function developed into battle one. First, the same chasing dogs were employed in battle, but subsequently dogs were specially trained to fight against the men. In action, such dogs, like in European Medieval times, must have attacked the hostile horses which represented for them as a kind of game. As long as in the second quarter of the 1st millennium B.C. in Anatolia, at least in its western part, the riders dominated on battle-field, the dogs' assault against the mounts prevented the horsemen for some time from fighting efficiently, as they had to repulse the dogs. From the autochthons the use of battle dogs was accepted by the local Greeks. When in the 6th century B.C. the phalanx had finally forced out archaic Greek riders and mounted hoplites, then the employment of dogs on battle-field came to an end. It is to be thought that in the 4th century B.C., in the course of the permanent wars between Greeks, followed with frequent sieges and, as a result, the appearance of polioretics as a special branch of warfare, dogs were used again with military purposes, in particular, in auxiliary service: guarding, patrolling and even delivering messages. At the Hellenistic age, there were established especial units of huntsmen who dealt with the breeding and training of dogs intended for chasing, catching and fighting (mainly for defending fortifications). The system of defense was perfecting itself: in the 4th century B.C. dogs were tied outside the fortifications in order to catch deserters and to give the signal as soon as possible by barking about the approach of the foes; later on, they were placed inside, on towers, together with the huntsmen who had to determine why the dog is barking and to notify, if necessary, the guards to give alarm.

Собака, как и лошадь, была на протяжении многих веков спутником человека. Она сопровождала его в различных сферах жизни, в том числе и на войне. Хотя, естественно, здесь ее применение было менее распространено, чем использование лошади. Данная работа посвящена боевым собакам древности, упоминания о которых мы можем найти в античных источниках. Именно памятники письменности, в первую очередь, подробно информируют нас об использовании собак, тогда как иконографический и археологический материал носит вспомогательный характер. Сразу оговорюсь: поскольку я не кинолог, то не считаю себя вправе рассуждать о зоологической классификации пород собак и об их происхождении (об этом см., например: Боголюбовский 1959: 518-524; Калинин 1991-1993). Итак, для выяснения того, каким образом использовались собаки во время военных действий и какие народы Европы и Азии их применяли, обратимся к античным источникам, значительная часть которых еще не переведена на русский язык.

Первый литературный памятник европейской культуры «Илиада» Гомера уже повествует о собаках во время войны, в лагере греков под Троей. Однако это — охотничьи и сторожевые животные, Гомер ни разу не упоминает об их

участии в сражении. Они бродят по лагерю и по окрестностям, где вместе со своими сородичами из Трои поедают непогребенные трупы воинов (II, I,5; 50; II,293; XIII,233; 831; XV,351; XVII,241; 255; 272; 558; XVIII,179; 271; 283; XXII,66; 75; 89; 335; 339; 345; 348; 354; 509; XXIII,21; 184-185; XXIV,211; 409; 411). Один Ахилл на своей лагерной стоянке имел девять собак, которых он кормил со своего стола (Hom., II, XXIII,173). Итак, судя по всему, в эту эпоху (IX – первая половина VIII в. до н.э.) у греков не было боевых собак, по крайней мере, поэт не упоминает о них (см.: Liliј 1976: 14-16). Вместе с тем, Гомеру отлично известно употребление охотничьих (II, III,26; IX,544; X,360-362; XI,292; 326; 414; XII,41; 147; XIII,198; 475; XV,272; 579; XVII,65; 282; 725; XXII,189) и пастушьих собак (II, X,183-186; XI,549; XII,303; XV,587; XVII,658; XVIII,578; 583-586).

Наиболее ранние по времени свидетельства об использовании собак в античной ойкумене непосредственно в бою относятся к греческому населению западного побережья Малой Азии. Клавдий Элиан в своих составленных на основании более древних источников «Пестрых историях» (около 200 г.) рассказывает: «Когда магнеты, живущие около Меандра, воевали с эфесянами, каждый из всадников вел с собой

соратником охотничьего пса и челядина-дротикометателя. Когда же началась рукопашная, тогда псы, выпущенные вперед, внесли замешательство в построение *врага*, ибо они оказались страшными, дикими и свирепыми, а челядины, выпущенные перед господами, метали дротики. Поскольку ранее собаки внесли беспорядок, *то* и действия челядинов были успешны. Затем, третьими, напали сами *магнеты*» (Ael. Var. hist., XIV,46). Речь в данном пассаже идет о войне двух соседних греческих городов, Эфеса и Магнезии на Меандре. Сами же события, по-видимому, относятся к первой половине VII в. до н.э. В этот период у магнетов еще не было фаланги и на поле боя доминировали настоящие всадники, а не верховые гоплиты (ср.: Reinach 1895: 176-177; Нефёдкин 1998: 22-25). Аристотель прямо указывает на наличие в архаическую эпоху в Магнезии олигархического строя и на соответствующее ему господство конницы на поле боя (Arist. Pol., IV,3,1 (1289b)). Каждый знатный воин-всадник вел с собой в битву свою охотничью собаку и домашнего раба. Последний не только сражался, но, по-видимому, выполнял еще и обязанности денщика, как позднее спартанские илоты (Hdt., IX,29). Те же рабы сопровождали своего господина с собаками на охоте. Они были вооружены дротиками, поскольку ими было легче научиться владеть, да и охотились эллины обычно с метательным оружием. Греческие всадники этого периода были вооружены копьями, мечами, из защитного вооружения обычно имелся панцирь и шлем. Таково, по-видимому, вооружение магнетов.

Данное сообщение Элиана — единственное античное свидетельство, которое информирует нас о тактике использования собак в бою. Только на его основании можно понять, как были построены магнеты. Основную боевую линию составляли всадники. Перед ними располагалась цепь легковооруженных дротикометателей. Вероятно, они же спускали собак на неприятеля, поскольку никаких других лиц из вспомогательного персонала не упоминается. О построении эфесян автор ничего не говорит. Однако, учитывая гомогенность развития соседних полисов, можно с большой долей вероятности предположить, что они тоже были всадниками. У эфесян, по-видимому, не было боевых собак — о них опять же не говорится. Атакующей стороной были магнеты. Противники, по-видимому, активно не наступали, а использовали оборонительную тактику. Слова Элиана о начале рукопашной не следует понимать буквально, подразумевается начало битвы вообще. В сражении воины из Магнезии, по существу, применили стратегию: для того, чтобы внести беспорядок в боевые порядки врага, они сначала выпустили охотничьих собак, которые, возможно, набрасываются на коней и всадников (?). В результате чего строй эфесян, явно, пришел в замешательство. Затем их всадников издали об-

стреляли дротикометатели, внося еще больший беспорядок. Завершили же дело всадники, понеся при этом минимальные потери.

Вероятно, эта битва происходила в тот период, когда протекал начальный этап развития «боевого собаководства», ведь эфесяне, жители соседнего города, еще не имели этих животных, а военные новшества, как мы знаем, распространяются достаточно быстро. Именно из-за необычности данного применения и, как следствия, легкой победы, рассказ о битве, а по существу, о стратегама магнетов, сохранился в источниках. Собаки в это время не были специальными боевыми, а обычными охотничьими. Ведь охота на зайца, оленя, кабана была излюбленным времяпрепровождением архаического греческого аристократа. Отметим, что еще около 200 г. поэт Оппиан рекомендовал для охоты магнетских, наряду с прочими благородными породами собак (Суп., I,373).

Дополнительную информацию о боевых собаках магнетов мы можем извлечь и из одной эпиграммы. Лексикограф конца II в. Юлий Поллукс пишет: «Все-таки отнюдь не безымяннен пес-магнет Лефарг, собственность Гиппемона, который вместе с господином был погребен, как свидетельствует эта эпиграмма:

Мужу имя было Гиппемон, коню же — Подарг,
а псу — Лефарг и слуге — Бабес» (Poll., V,46).

Полностью эпиграмма представлена в «Палатинской антологии» (VII,304) с предупреждением о том, что «эту эпиграмму Писандра Родосского упоминает Николай Дамасский как наилучшую о Гиппемоне с Крита:

Мужу имя было Гиппемон, коню же — Подарг,
а псу — Лефарг и слуге — Бабес;
Фессалиец с Крита, родом магнет, сын Гемона,
Погиб среди передовых, приближая острого Ареса».

Эпиграмма, возможно, была высечена на надгробном памятнике, на котором был представлен всадник, сопровождаемый собакой и пешим слугой-оруженосцем. Подобная архаическая стела (VI в. до н.э.), но без надписи, найдена, например, в азиатском Дорилайоне (Körte 1895: 4-5; Taf. II; Зайцев 1996: 148-149). Определенную сложность для интерпретации представляет третья строчка стихотворения, в частности, нагнетение эпитетов. Ранее полагали, что говорится о фессалийском коне и критской собаке, как о наиболее знаменитых породах (Bergk 1882: 24). Однако сейчас ясно: все эпитеты относятся к Гиппемону, сыну Гемона. Они объясняют генеалогию знатного магнета, предки которого, по преданию, происходили из Фессалии, затем жили некоторое время на Крите и, наконец, переселились в Анатолию (Lilij 1976: 111; Зайцев 1996: 140-143). Сама эпиграмма, если верить схолии на полях рукописи, датируется временем Писандра из Камира на Родосе, творчество которого приходится на рубеж VII-VI вв. до н.э. Иногда ее считают более древ-

ней и датируют первой половиной VII в. до н.э. (Зайцев 1996: 148). Хотя, если сомневаться в датировке, то ее, скорее, нужно датировать VI в. до н.э. (ср.: Cook 1952: 40, 41, п. 18).

Следовательно, данная эпиграмма, по-видимому, сообщает нам о том, что магнеты еще в начале VI в. до н.э. использовали собак в бою и воевали аналогично тому, как это описано Элианом в «Пестрых историях». Узнаем мы и подробности погребальных почестей знатному воину: вместе с ним захоранивался слуга, конь и собака. Отметим, что слуга, судя по имени, был фригийцем, тогда как конь носил гомеровское имя Подарг (Hom. II., VIII,185; XXIII,295). Возможно, все персонажи, упомянутые в эпитафии, погибли как раз в битве, но также нельзя исключить и того, что слуга и животные были принесены в жертву, как на похоронах Патрокла в «Илиаде» (XXIII,171-183). На могиле установили пышную стелу, а эпиграмму заказали знаменитому поэту.

Итак, в том числе и благодаря этой эпиграмме, боевые собаки магнетов стали знаменитыми в античном мире, именно о них вспоминали древние авторы (Ael. Nat. an., VII,38; Var. hist., XIII,46; Poll., V,47).

Среди малоазиатских греков архаической эпохи не только магнеты использовали собак в бою. Ученый-энциклопедист I в. Плиний Старший (N.h., VIII,142) рассказывает: «Ради войн колофонцы, а также кастабалии имели когорты собак». Сообщение Г. Юлия Солина (III в.), хотя и основано на информации Плиния, но вносит в него дополнительную черту: «Колофонцы и кастабалии первые линии (primas acies) создавали из собак, выводимых на войну» (Solin., 15,9). Жители Колофона — ионийского полиса, соседнего с Эфесом, — также славились своей конницей в архаическую эпоху, в VII-первой половине VI вв. до н.э. (Strab., XIV,1,28; Polyae., VII,2,2). Знатные всадники и тут имели при себе собак, которых использовали так же, как и магнеты, то есть непосредственно в бою. Ведь упоминание Солином первой линии, состоящей из собак, напрямую соответствует сообщению Элиана. Причем, поскольку всадники были многочисленны, то и собак было много. Именно так и следует понимать слова Плиния о когортах боевых собак (cohortes canum), а не в том смысле, что животных собирали в какие-то свои подразделения. Другой упоминаемый в этих текстах город, Кастабал — ничем особо не примечательное поселение на юго-востоке Киликии (см.: Strab., XII,2,7). Свидетельства Плиния и Солина об использовании кастабальцами боевых собак, по-видимому, относятся к более позднему, возможно, даже к эллинистическому времени, когда жители города могли использовать своих собак в стычках с соседними городами.

На западе Анатолии не только одни греки использовали собак на войне. Подобное употребление известно и их соседям лидийцам. Ав-

тор второй половины II в. Полиэн в своих «Стратегемах» (VII,2,1), выписках из различных исторических сочинений, рассказывает: «Алиатт, когда киммерийцы, имевшие необычные и звероподобные тела, ополчились на него, вывел на битву вместе с прочими силами и наиболее отважных псов; они, приблизившись к варварам, словно к зверям, многих из них уничтожили, а остальных позорно обратили в бегство». Данное событие относится ко времени правления лидийского царя Алиатта (около 605-562 гг. до н.э.), который разбил киммерийцев, набеги которых около полувека держали всю страну в напряжении. Сама же решающая битва с номадами произошла около 600 г. до н.э., вероятно, о ней и идет речь. Источник данного пассажа Полиэна, возможно, авторитетный историк второй половины I в. до н.э. Николай Дамаский (Иванчик 1988: 38). Если в середине VI в. до н.э. лидийцы были знамениты своей пиконосной конницей, с которой не могли сравниться даже персы (Hdt., I,80), то на рубеже VII-VI вв. до н.э., судя по всему, ситуация была иная: эта конница еще не была настолько сильной. Во всяком случае, тот же Алиатт хитростью забирает коней у колофонцев (Polyae., VII,2,2). Киммерийцы — наездники с детства, — как конники превосходили лидийцев. Поэтому Алиатт взял в свое войско наиболее свирепых собак, которые, судя по данному пассажиру, в бою бросались на всадников, а не на коней, как было в рыцарском средневековье. Видимо, сходство со зверьми киммерийцам придавали одежды из кож или шкур, вследствие которых собаки должны были расценить людей как дичь. Номады были вынуждены обороняться от собак и тем самым отвлеклись от боя с неприятелями, которые могли в это время легче поразить врага. Хотя традиция приписывает победу именно собакам, невозможно сказать, не смещен ли тут акцент. В то же время, крайне неубедительным выглядит предположение А.И. Иванчика (1988: 40-44) о том, что в данном пассаже в фольклорной форме передан рассказ о разгроме киммерийцев скифами, которые являлись молодыми воинами, проводящими обряд инициации под покровительством бога-волка.

Итак, по-видимому, и здесь мы встречаем не каких-то специальных боевых собак, а обычных охотничьих, не случайно же Полиэн сравнивает обличье кочевников с дичью. Сложно сказать, — поскольку источники отсутствуют, — был ли этот случай единичным или типичным для лидийцев. Впрочем, учитывая практику соседних ионийцев, более вероятным кажется второе предположение. Полиэн же представил событие в качестве экзотической стратегемы. Атака собак была неожиданной для киммерийцев, которые, может быть, даже ранее вплотную не сталкивались с подобной тактикой.

Достаточно сложную проблему представляет собой интерпретация изображений собак на

Рис. 1. Бой греческих гоплитов с варварскими всадниками. Клазоменский саркофаг, около 500 г. до н.э. Воспроизведено по: Pottier 1892: Fig. 2.

глиняных расписных саркофагах из Клазомен — ионийского полиса на западном побережье Анатолии. Они датируются примерно 500 г. до н.э. (Cook 1952: 38). Здесь собаки присутствуют и в батальных сценах, на которых знатные гоплиты сражаются, спешившись с упряжек, а под последними находятся собаки (Winter 1890: Taf. 44; Murray 1898: Fig. 3; Winter 1898: Taf. 27,3). Рассматривая изображения на саркофагах, обратим внимание на то, что собаки обычно сопровождают коней и запряженных в колесницы (Dennis 1883: Fig. 5-6; 11; Reinach 1895: Pl. entre pp. 160-161; Winter 1890: Taf. 44; Murray 1898: Pl. I; VI; Winter 1898: Taf. 27,2-3; Picard, Plassart 1913: Pl. X; XIII; XV), и верховых (Dennis 1883: Fig. 5-6; 11; Winter 1890: Taf. 45; 46,4-5; Pottier 1892: Fig. 1-2; Murray 1898: Pl. IV-V; fig. 3; Winter 1898: Taf. 27,1; Picard, Plassart 1913: Pl. XI; XIII; XV). Вместе с тем, собаки не участвуют непосредственно в бою гоплитов (Winter 1890: Taf. 46,2; Murray 1898: Pl. VII; Picard, Plassart 1913: Pl. XIV). Таким образом, ясно вырисовывается связь собаки именно с конем, то есть тут присутствует определенный стереотип изображения, некий художественный штамп. Представляется вероятным, что изображения собак, представленных на саркофагах, носят сакральный, хтонический, а не исторический характер (см.: Молева 1998: 61-62; Нефёдкин 1999: 23-

24; ср.: Pottier 1892: 250; Cook 1952: 38-40).

Кроме того, по-видимому, о боевом использовании собак в Анатолии напоминают и клейма амфор одного из магистратов Синопы (рубеж III-II вв. до н.э.), где показан человек, отбивающийся от собак мечом (Иванчик 1988: 39). Возможно, сюжет представляет собой воспоминание о героических деяниях.

Как могла выглядеть западно-анатолийская собака, используемая на охоте и на войне, нам показывает барельеф знаменитого Пергамского алтаря (около 180 г. до н.э.). Тут, в сцене гигантомахии, убогини Гекаты представлена длинношерстная собака, которая вцепилась в конечность гиганта (Hilzheimer 1932: Pl. VII, fig. 9). Возможно, подобных животных ранее использовали и для реальных военных целей.

Таким образом, западная часть Анатолии была одним из регионов, где собак применяли в древнем военном деле. Здесь они применялись непосредственно в бою, для дезорганизации и ослабления вражеского боевого порядка. Хронологически этот период охватывает конец VIII-VI вв. до н.э. В это время у ионийских греков на поле боя господствовали всадники, их еще не вытеснила с поля боя фаланга. Знатный всадник вел с собой на войну, наряду с воином-слугой, свою охотничью собаку.

Когда же возник этот обычай? Поскольку у

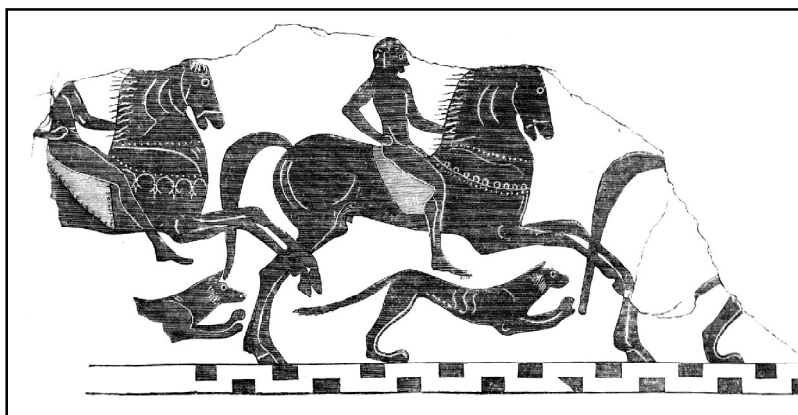

Рис. 2. Обнаженные мальчики на конях, сопровождаемые собаками. Воспроизведено по: Dennis 1883: Fig. 14.

Гомера нет никакой информации о применении собак в бою, то, вероятно, он возник позднее, т.е. после первой половины VIII в. до н.э. Был ли данный военный обычай греческим, распространившийся затем у лидийцев, или наоборот туземным, воспринятым позднее греками? Более вероятно второе предположение, поскольку в Киликии мы также встречаем применения боевых собак. Однако об этом, втором в Анатолии, районе использование собак в военном деле нам практически ничего не известно. Некорректным выглядит категоричное утверждение А.И. Иванчика (1988: 40-48), который, вопреки всем античным источникам, заявляет о том, что в Анатолии существовали лишь охотничьи, а не боевые собаки. Ведь, если первоначально на войне пользовались охотничьими собаками, то позднее животных могли тренировать или только для войны, или преимущественно для нее.

Если мы обратимся к более южным областям, то увидим, что и тут собаки сопровождали своих хозяев во время войны. Так, на блюде кипро-финикийского производства, найденном в Амафунте и датированном 710-625 гг. до н.э., представлена сцена штурма города коалиционными войсками. Сюжет интерпретируется различно. Вероятно, действие происходит в Анатолии или Сирии (Barnett 1977: 167-168). Справа внешнего регистра блюда, вслед за всадниками, несется колесница, которую сопровожда-

ет собака. Возможно, это не специальная боевая, а простая охотничья собака (см.: Mures 1933: 35-37, Pl. I-III; Маркое 1985: 51-52, 172-174, 248-249, Су 4). Ведь охота с колесницы в сопровождении собак была популярна на Ближнем Востоке в первой половине I тыс. до н.э.

Северная часть Балканского полуострова также являлась районом применения собак в бою. Так, Юлий Поллукс (V,47) кратко замечает: «И в самом деле, говорят, что магнеты, которые у Меандра, вскармливают псов, помощников в войнах; таковыми же являются охотничьи псы пеонов». Речь, по-видимому, идет об архаической эпохе. Пеоны были фракийским этносом, жившим на территории современной северо-восточной Греции. «Отец истории» Геродот (V,1,2-3) рассказывает об их войне с греками из Перинфа, города, основанного самосцами на побережье Мраморного моря (VI в. до н.э.). Пеоны являлись нападающей стороной. Они разбили лагерь в окрестностях города. «Когда же перинфяне встали лагерем напротив в предместье, тогда произошло по их вызову троякое единоборство, ибо и муж сшибся с мужем, и конь с конем, и собака с собакой. Когда же перинфяне победили в обоих поединках, то они, радуясь, запели пеан». Пеоны же в это время напали и разбили греков. Таким образом, в данном новеллистическом повествовании и греки, и фракийцы сражались на равных: по двое всадни-

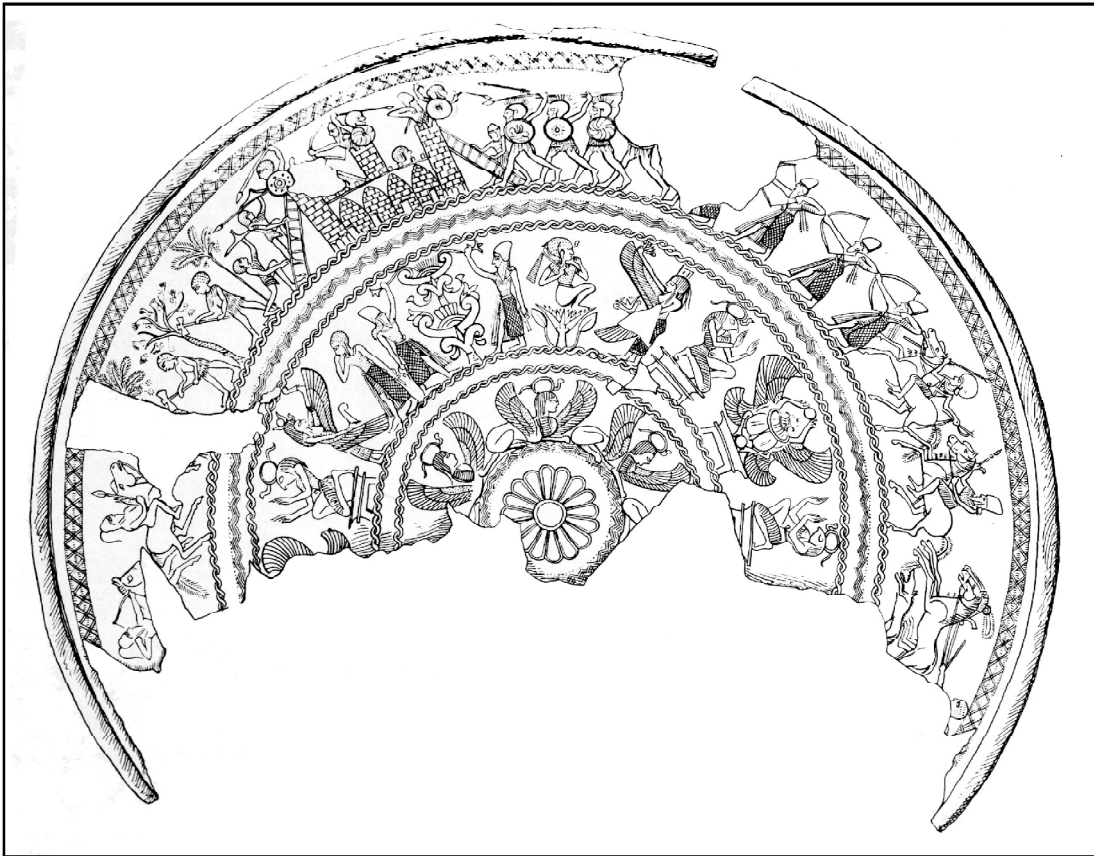

Рис. 3. Осада города коалиционными войсками. Под колесничными конями бежит собака. Блюдо, найденное в кипрском городе Амафунте, около 710-625 гг. до н.э. Воспроизведено по: Mures 1933: Pl. I.

ков в сопровождении боевых собак. Можно предположить, что сражались как люди, так и животные. Ведь нам известно, что и кони в бою лягали и кусали животное противника (Hdt., V,111-112; Plin. Nat. hist., VIII,156; Solin., 45,11; Tzetz. Chiliad., III,988-999). Выиграли поединки греки, которые оказались лучшими бойцами. Победившим, по-видимому, считался всадник.

Пеонийская порода собак была достаточно знаменита в древности. Хотя Поллукс (V,37) в своем списке наиболее благородных собак не называет пеонийскую, но в более обширном списке Оппиана (Суп., I,368-375) она присутствует. Кроме того, Поллукс (V,47), рассказывая о знаменитых собаках, говорит: «Известна же и Триака, пеонийская сука. Дапанис, пеонский сатрап, дал ее в дар царю Александру». Возможно, эту породу собак мы видим на монете середины IV века до н.э. из Мадита — города на Херсонесе Фракийском, т.е. находившимся относительно недалеко от Перинфа (Keller O. 1909: Taf. I,7; Никулина 1994: Рис. 274-275).

Если обратиться к древней Македонии, то увидим, что, судя по сохранившимся источникам, здесь в бою собак не использовали. Однако македоняне были страстными охотниками, и, естественно, на охоту они шли со своими любимыми собаками. На знаменитом «Саркофаге Александра» из Сидона (конец IV в. до н.э.) они представлены, охотящимися на оленя и льва в сопровождении собак (Winter 1912: Taf. 9-11). Кроме того, Птолемей Гефестион, автор первой половины II в., передающий различные необычные истории, рассказывает «о псе Птолемея, и как он сражался вместе с хозяином, и как после кончины его вскрыли и нашли сердце, покрытое волосами; он был по породе молосс, по имени Бриарей» (Phot. Bibl., 190,148a). Возможно, речь идет о царе Птолемее I, поскольку данная история идет в тексте сразу за рассказом о чудесном рождении Александра Великого. Заманчиво было бы посчитать, что Птолемей, по примеру древних фараонов, шел в бой с боевым животным, в данном случае с собакой. Однако, скорее всего, речь тут идет об охотничьем псе, сопровождавшем хозяина везде, в том числе и в бою. Видимо, и выбор Птолемеем породы не был случаен. Молосская собака обычно использовалась греками как охотничья и охранная (Arist. Hist. an., IX,1,3). Ведь Элиан (Nat. an., III,2) замечает, что «молосс наиболее отважен из собак». Пес Птолемея был не только отважным, но и сильным, почему ему и дали кличку Бриарей — имя сторукого мифического гиганта (Hom. Il., I,402-404).

После Восточного похода Александра греко-македонская знать разводила и крупную гирканскую породу. Так, в 281 г. до н.э. пес убитого в битве при Курупедионе правителя Фракии Лисимаха сначала охранял труп от птиц и зверей (App. Syr., 64), а затем, согласно сообщению историка Дуриса, бросился в погребальный

костер своего хозяина и сгорел вместе с ним (Plin. Hist. nat., VIII,145; Plut. Solert. an., 14,2 Moral., 970c-d). Было бы заманчиво считать, что гирканец сопровождал своего хозяина в битве и, следовательно, такова была македонская традиция, — но это всего лишь предположение, — поскольку пес мог прибежать к трупу царя из лагеря.

Вместе с тем, использование собак против людей в ходе кампании было известно македонянам. Полиэн (IV,2,16) приводит в качестве стратегемы такой случай: «Филипп вторгся в землю орбелиев; она же была обрывиста и лесиста. Когда варвары попрятались в рощи и кустарники, он вывел множество охотничьих сук, которые, отыскивая врагов, большинство из них поймали». Эпизод относится к действиям Филиппа II против фракийцев Орбельских гор в 356 г. до н.э. В данном случае вследствие пересеченной и лесистой местности действие регулярных частей было затруднено и царь собрал, по-видимому, у своих воинов охотничьих собак, которые находились в обозе, и пустил их искать врагов. Последние, прячась в горах, видимо, делали оттуда вылазки и вообще вели войну партизанскими методами. Эти собаки Филиппа были охотничьими, а не специальными боевыми. По-видимому, царь взял у своих воинов животных, которые находились при обозе, ведь у нас нет данных о существовании уже в этот период корпуса царских псарей (о них речь пойдет далее). Причем были выбраны именно суки, поскольку, как считается, среди собак одной породы они отличаются обонянием, тогда как кобели — силой и выносливостью. Подобный способ использования собак не был уникальным, он иногда применялся даже римлянами, которые обычно не использовали собак в боевых действиях. Так, в 231 г. до н.э. консул Марк Помпоний таким же образом разыскивал непокорных сардов, спрятавшихся в лесных пещерах (Zonar. Hist., VIII,18d), а в XVI в. испанцы так же вылавливали индейцев (Jesse 1866: 323-326).

Собственно македонские собаки не были сколько-нибудь знаменитыми в древности и в «Кинегетиках» они не упоминаются. По-видимому, македоняне использовали тех же пеонийских или менее известных фракийских собак (ср.: Babr. Fab., 85,12; Opp. Суп., I,371). Как мы видели, знатные македоняне имели одну из лучших в Греции пород, молосскую. Собаки в Македонии отличались особой яростью. Так, в 406 г. до н.э., согласно античной традиции, великий древнегреческий трагик Еврипид, ночью возвращаясь с пира македонского царя Архелая, был затравлен собаками неким недоброжелателем (Diod., XIII,103,5; Val. Max., IX,12,ext.4; Aul. Gel., XV,20).

Другой регион Европы, где существовали боевые собаки — районы, заселенные кельтами. Страбон (IV,5,2) рассказывает, что галлы покупали у британцев собак, которых, наряду с

местными, использовали на войне. Речь, по-видимому, идет об армориканцах и белгах, племенах, живших на территории северной Франции и Бельгии. Свидетельство Страбона, очевидно, относится к раннему периоду, поскольку уже Цезарь никаких боевых собак у галлов не встречал: их нет в его записках. Интересно замечание географа о породах собак. Галлы использовали для охоты и войны и своих, и британских собак. Название же пород у древних обозначалось по месту их происхождения. Поллукс (V,37) и Оппиан (Суп., I,373) упоминают среди прочих пород кельтскую (ср.: Catul., 42,9; Mart., III,47,11). Специально изучавший этих собак Флавий Арриан (Суп., 3,1-5) называет две породы: длинношерстную и неблагородную по виду сегусийскую охотничью и гончего вертрага с пестрым окрасом. Уже поэт августовской эпохи Граций Фалиск (Суп., 179-181) упоминает о достоинствах собаки британцев. Англия же считается родиной бульдога, предков которого и импортировали галлы (Cougny 1877: 885, fig. 1117; Keller O. 1909: 113). В частности, у позднеримского поэта Клавдия Клавдиана, наряду с критской и лаконской, говорится о британской собаке, вскакивающей на шею быка (Claud. Cons. Stil., III,301; ср.: Nemes. Суп., 124-125). Как конкретно применялись боевые собаки, неизвестно. Однако существует предположение, — к сожалению, не подтвержденное источниками, — что «галлы и кельты применяли боевых собак в борьбе с римскими легионами, они нападали на коней, приводя в волнение конницу» (Keller C. 1909: 33). Мнение о том, что и британцы использовали боевых собак, также не вызывает особых возражений (Richter 1966: 1247). Во всяком случае, в походном лагере кимвров были сторожевые собаки, о которых Плиний Старший (N.H., VIII,143) рассказывает: «Собаки убитых кимвров защищали их дома, помещенные на повозки». Речь идет о поражении кимвров при Верцеллах в 101 г. до н.э., когда римские войска Кв. Лутация Катула и Г. Мария подошли к лагерю

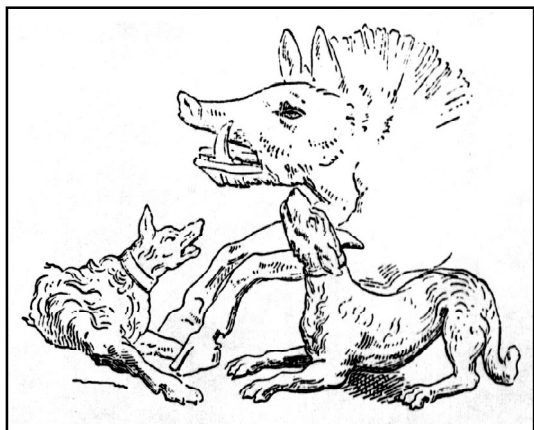

Рис. 4. По-видимому, галльские собаки. Барельеф саркофага из Галлии римской эпохи. Воспроизведено по: Cougny 1877: Fig. 1115.

противника. Впрочем, вероятно, в данных обстоятельствах речь шла не о специальных боевых, а об обычных сторожевых и охотничьих собаках, которые сопровождали своих хозяев при переселении.

В Передней Азии также использовали боевых собак. Так, уже известный нам Элиан (Nat. ap. VII,38) указывает: «Вместе с гирканцами и магнетами воюют псы, в частности, они являются для них хорошими союзниками и помощниками». Таким образом, автор прямо сопоставляет применение боевых собак магнетами и гирканцами — иранским населением южного побережья Каспийского моря. Речь, по-видимому, идет о непосредственном участии гирканских собак в бою. Это подтверждается и свидетельством латинского поэта I века Г. Валерия Флакка Сентина Бальба. Он с эпической изысканностью описывает боевых собак жителей юго-западного побережья Каспийского моря (Flac. Argon., VI,106-113):

Следовала дрангейская фаланга и изливалась из ущелий

Каспиады, в которых свора псов немедленно Выскакивала на резкие сигналы рожков и стреми-лась в битвы хозяев.

Поэтому *они* имели даже почет равный мертвым и получали курганы

Среди предков и клались у мужей. Ведь с грудями из железа

И с заплетенными страшными гривами обрушилась черной стаей

Когорта с лаем, каким оглашаются ужасные двери Дита [Плутона — А.Н.]

Или свита Гекаты в верхних небесах.

Ясно, что Валерий Флакк в своем описании опирался на античную традицию об использовании боевых собак жителями северного Ирана, которых он сопоставляет с каспиями (ср.: Fletcher 1941: 34). Тут собак сворой выпускали на врагов по условному акустическому сигналу. Они должны были испугать противника своим внешним видом и яростным лаем. На каком этапе собаки бросались в битву, не ясно. Также непонятно, с пехотой или с конницей они взаимодействовали, возможны оба варианта. Вместе с тем, несмотря на эпическую напыщенность стихов, можно понять, что собаки тут считались

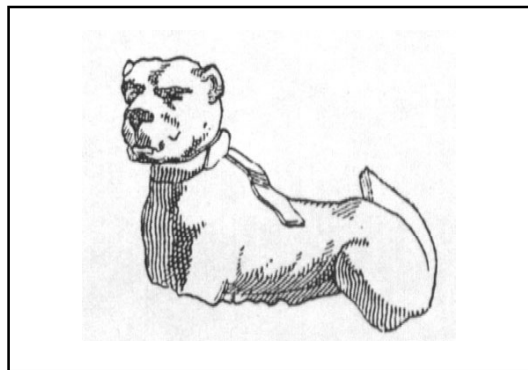

Рис. 5. Бульдог. Бронзовая статуэтка римской эпохи. Воспроизведено по: Cougny 1877: Fig. 1117.

бойцами и им воздавали почести, равные воинским, в частности, их захоранивали вместе с погибшими воинами.

Гирканская порода была знаменита в древности. Греки близко познакомились с ней в период эллинизма, а позднее она была известна в Риме. Это была большая собака для охоты на крупных зверей (Lucret., III,750-751; Grat. Сун., 161; 196; Athen., V,201b; Phot. Bibl., 250,453b). Данная порода считалась происходящей от льва и собаки (Poll., V,37). Вероятно, это сходство базировалось на наличие у нее гривы, о которой упоминает Валерий Флакк (VI,111). Похожую собаку представляет, например, терракота из Ниневи (см.: Cougny 1877: Fig. 1103). Даже по легенде о происхождении ясно, что это была особая порода, отличная от индийской, а не одна и та же, как считает Э. Куни (Cougny 1877: 879). Гирканцы отличались верностью хозяевам, что доказал пес царя Лисимаха. Именно этих, в первую очередь, охотничьих собак жители Северного Ирана применяли на войне.

У нас нет прямых античных письменных свидетельств об употреблении собак в бою персами эпохи Ахеменидов. Однако в 480 г. до н.э. армию Ксеркса вместе с обозом сопровождало множество индийских собак (Hdt., VII,187). Элиан (Nat. an., VI,19) так характеризует последних: «Индийские собаки, как известно, животные с большой отвагой и пылким нравом, самые большие из всех собак». Индийская порода, вероятно, за свою величину, считалась древними помесью собаки с тигром (Arist. Hist. an., VIII,28; Diod., XVII,92,1; Plin. N. H., VIII,148; Poll., V,38; Ael. Nat. an., VIII,1). В первую очередь, это были охотничьи собаки, отличающиеся крепкой хваткой. С ними шли на крупных животных: оленей, кабанов и других (Xen. Сун., 9,1; Philost. Imag., I,27). Элиан (Nat. an., VIII,1) рассказывает: «охотники ведут на охотничью территорию благородных сук, добрых, чтобы узнать следы зверей и быстрых в беге». Четыре таких собаки могли завалить льва (Diod., XVII,92,2; Strab., XV,1,31; 37; Curt., IX,1,31-33; ср.: Poll., V,43-44). Перит, индийский пес Александра Великого, один даже побеждал львов (Poll., V,43; ср.: Plut. Solert. an., 15,3 = Moral., 970f; Ael. Nat. an., VI,19; Phot. Bibl., 72,45b). А когда он сдох, царь основал в честь него город (Plut. Alex., 61). Албанский монарх прислал в дар находящемуся в Индии Александру огромную редкую собаку, которая бросалась только на льва или слона (Plin. Nat. hist., VIII,149-150; Solin., 15,7). Эту породу Плутарх (если он только ничего не путает) именуется индийской (Plut. Solert. an., 15,3 = Moral., 970f). Очевидно, данная порода была особенно распространена в ахеменидской империи и считалась наиболее престижной. Вместе с тем, позднее римлянам были известны и яростная мидийская, и собственно персидская породы (Grat. Сун., 154-155; 158). Индийских собак только для одного сатрапа Вавилона кормили четыре села (Hdt., I,192).

А персидский царь Камбиз наблюдал поединок со львенком щенка, вероятно, именно данной породы (Hdt., III,32). По-видимому, на памятниках, изображающих персов на охоте, мы видим этих собак. На кабана шли верхом или пешком с собакой, как это показано на печатях IV в. до н.э. (Никулина 1994: Рис. 500, 506). На саркофагах из Сидона середины-второй половины IV в. до н.э. мы также обнаруживаем псовую охоту на оленей, кабанов, леопардов и медведей (Никулина 1994: Рис. 43-51; Winter 1912 Taf. 15-16). По-видимому, и в поход персы брали собак и для охоты в ходе кампании, и для несения сторожевой службы. Так, во время неудачного похода Дария I на скифов (около 513 г. до н.э.), царь, чтобы скрыть свое отступление, оставил в лагере раненых, мулов, ослов и собак (Front., I,5,25; Polyae., VII,11,4).

Как я уже говорил, судя по античным источникам, в бою персы собак не применяли. Однако, на одном из клазоменских саркофагов изображены сопровождаемые собаками варварские всадники, которые атакуют греческих гоплитов (Murray 1898: Pl. I). Конники вооружены махайрами и небольшими копьями, тогда как луки в горитах висят на поясе. Подобное оружие свидетельствует о том, что перед нами, скорее всего, персы, а не киммерийцы, как считали ранее, на основании более ранней датировки терракотовых саркофагов VII – началом VI в. до н.э. (см.: Reinach 1895: 179). Напомним, что сейчас саркофаги датируются примерно 500 г. до н.э. На других саркофагах мы также видим собак, сопровождающих всадников в бою с греками (Pottier 1892: Fig. 1-2). Хотя персы сами не применяли боевых собак, но они могли заимствовать их использование от тех же гирканцев. Впрочем, более вероятно, собаки, изображенные здесь, являются, как и на клазоменских саркофагах с другими сюжетами, неким символическим персонажем, который, по мысли художника, должен постоянно сопутствовать изображению коня. Очевидно, к этому же стереотипу относится и изображение азиатских всадников на этрусской вазе VI в. до н.э., каждого из которых сопровождает в бою собака (см.: Дьяконов 1955: 529).

Использовались боевые собаки и в древней Северной Африке. Плиний Старший (Nat. hist., VIII,142) пишет: «Царь гарамантов выводил от скудости 200 псов сражающимися против неприятелей». Это же сообщение практически буквально повторяет Солин (15,9). Плиний, рассказывая о кочевниках центральной Сахары — ливийцах-гарамантах, по-видимому, отражает близкую к нему по времени эпоху. Ливийцы на рубеже эр были искусными всадниками и охотниками (Lucian. Dipsades, 1-2). Причем Плиний, исходя из свидетельств своих информаторов, отмечает, что царь гарамантов использует собак из-за малочисленности своих войск. Приводимое здесь большое число собак, вероятно,

также основано на более или менее компетентных свидетельствах, возможно, даже полученных от участников похода проконсула Африки Л. Корнелия Бальба на Гараму в 19 г. до н.э. (Plin. Nat. hist., V,36-37). Жители Сахары активно применяли охотничьих собак на охоте. Так, на одной картине на камне за бараном гонится целая свора охотничьих собак (Айюб 1994: 72). По-видимому, собственно боевое использование собак иллюстрирует изображение на скале из сахарского уэда Джерат, где показан бой между пешими дротикометателями. На помощь одной из сторон мчится боевая колесница, которую сопровождают три бегущие собаки (Lhote 1982: 106-107, fig. 37). В конце III в. М. Аврелий Олимпий Немесиан в своей «Кинегетике» (128) упоминает ливийских собак, которых Ж. Эймар предлагает сопоставить с египетской пастушьей породой Оппиана (Суп., I,374-375) и, соответственно, с современными африканскими собаками и борзыми Кордофана (Aumard 1951: 240).

На этом блок информации античных авторов об использовании собак непосредственно в бою кончается. Очевидно, греки в классический и эллинистический период не бросали собак прямо в битву. Однако, как и в XX веке, этих животных активно привлекали к вспомогательным военным службам: охрана, патрулирование, доставка сообщений. Участие собаки в бою в это время рассматривалась как определенная экзотика. Так, Клавдий Элиан (Nat. an., VII,38) рассказывает: «Какой-то афинянин вывел в битву при Марафоне соратником пса, и они оба показаны на изображении в Пестром портике; пес не остался в пренебрежении, но за битву получил награду, что видно по тому, что с ними Кинегир, Эпизел и Каллимах. Является именно этот пес картиной Микона, хотя другие говорят не о нем, но о фасийце Полигноте». Картина была выставлена в построенном около 457 г. до н.э. Пестром портике и отражала официальную афинскую доктрину о битве при Марафоне (490 г. до н.э.). Тут был представлен разгар боя, в котором, естественно, участвовали и боги, а также начало бегства персов (Paus., I,15,3). Очевидно, данная картина живописца Микона представляла собой достаточно большое панно, на котором были изображены знаменитые подвиги афинских граждан. Там был представлен Кинегир, схвативший рукой отплывавший вражеский корабль и потерявший при этом руку (Hdt., VI,114), Эпизел, неожиданно ослепший от видения призрака в ходе битвы (Hdt., VI,117), Каллимах, доблестно бившийся и павший в этом бою полемарх Афин (Hdt., VI,114; Paus., I,15,3); вместе с ними был показан и безымянный воин, которого в битве сопровождал его верный пес. Он не бросил хозяина и тут. Но, вероятно, это уже не была обычная практика, во всяком случае, Геродот о ней не упоминает. Подобные случаи собачьей верности хорошо известны в древности. Так, собака Ксантиппа, отца Перикла, не

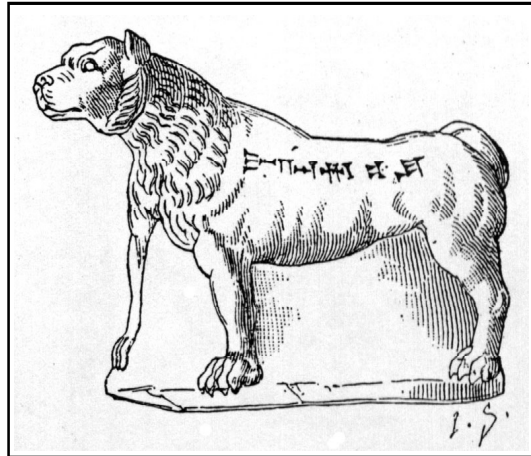

Рис. 6. Азиатская собака. Терракотовая статуэтка из Ниневии. Воспроизведено по: Coignu 1877: Fig. 1113.

захотела бросить своего хозяина, который в 480 г. до н.э. эвакуировался из Афин на Саламин. Она проплыла весь пролив рядом с кораблем, однако, выйдя на берег острова, сдохла от переутомления (Plut. Them., 10).

В первой половине IV в. до н.э., когда осады, штурмы и нападения на города становятся у греков обычной практикой, особую роль стали играть сторожевые и патрульные собаки. Эта роль возникла из простой сторожевой функции животных. Ведь нам известно, что греки широко применялись собак для охраны и частных жилищ, и общественных зданий, в частности, храмов (Plut. Solert. an., 13,11 = Moral., 969; Ael. Nat. an., XI,3; 5; Philost. Apol. Thyan., VIII,30,2). С данного периода эта функция стала широко использоваться и для безопасности всего города. Так, военный теоретик и практик середины IV в. до н.э. Эней Тактик (22,14) рекомендует использовать собак в зимние темные ночи следующим образом: «Всего лучше в такие ночи с наружной стороны стен привязывать псов, предназначенных для ночной охоты, которые, конечно, на далеком расстоянии обнаружат лазутчика из вражеского стана или перебежчика, тайно подбирающегося к городу или каким-либо образом стремящегося совершить побег из города. К тому же они и часового разбудят лаем, если он заснет невзначай» (перевод В.Ф. Беляева, с исправлением). В данном случае — это рекомендация, но, учитывая большой военный опыт Энея, можно предполагать, что она базировалась на реально существовавшей практике. Собак привязывали не на стенах, а перед городом. И их главная задача состояла не в том, чтобы предупредить о внезапном нападении врага (что, вероятно, и так бы заметили часовые), а воспрепятствовать врагу получить информацию или через разведчиков, или посредством перебежчиков. Использовать при этом рекомендовалось не сторожевых, а охотничьих собак, которые выслеживали зверя во время

ночной охоты.

Собак, исполнявших подобные функции, мы можем найти и в реальной боевой практике греков. Полиэн (II,25) рассказывает об осаде аркадского города Мантиней союзным войском во главе со спартанским царем Агесиполидом следующим образом: «Агесиполид осаждал Мантинею с сочувствующими мантинейцам союзниками, которые сопровождали лакедемонян на войну из-за их власти над Элладой; они тайно ночью посылали мантинейцам то, в чем они нуждались. Агесиполид, узнав эти дела, выпустил много собак вокруг лагеря, большинство же из них по очереди находилось со стороны города, чтобы никто не перебежал, остерегаясь быть пойманным собаками». Данные события относятся к 385 г. до н.э. После Анталкидова мира (386 г. до н.э.), положившего конец Коринфской войне, спартанцы решили наказать своих недобросовестных союзников мантинейцев. Разбив последних в полевом сражении, они стали осаждать Мантинею. Полис был сдан лишь только после того, как враг перекрыл устье реки, которая выйдя из берегов, затопила город и смыла укрепления (Xen. Hell., V,2,1-7; Diod., XV,5,1-3; Paus., VIII,8,7). Именно ко времени этой осады и относится данный эпизод. Собак, судя по всему, выпускали не просто бегать перед лагерем, но они шли вместе с патрулями на дежурство по определенной очередности (ср.: Forster 1941: 116). Скорее всего, для этого были привлечены обозные собаки. Полиэн рассказывает о находчивости Агесиполида как о стратагеме, следовательно, подобная практика не была еще широко распространена.

Однако несколько позднее мы встречаем аналогичное использование собак. Эней Тактик (22,20) сообщает: «После внешней морской битвы, боящийся козней фрурарх Никокл, закрыв входы, назначил стражей на стену, а с наружной стороны города установил патрулирование с собаками, ибо ожидал некоего коварства извне». Данное событие относится ко времени возвышения Фив, когда последние вместе с афинянами противостояли спартанцам. В 376 г. до н.э. в битве при Наксосе более многочисленный афинский флот одержал победу над спартанским (Diod., XV,34-35). После этого островные государства стали присоединяться к Афинам. Видимо, к этому времени и относится данное событие, когда спартанский фрурарх – начальник гарнизона, боясь измены жителей и опасаясь нападения извне, предпочел усилить охрану вверенной ему твердыни. Тут мы наблюдаем то же патрулирование вне укрепленного места, с целью безопасности.

Другой вспомогательной функцией использования собак у греков в IV в. до н.э. являлась переноска посланий. Эней Тактик (31,31-32) сообщает: «В Эпире многие использовали сук следующим образом. Уведя ночью цепную собаку, прилаживали ей вокруг шеи кожаный ошейник,

в котором было зашито письмо. Затем отпускали ее ночью или днем, и она немедленно старалась вернуться туда, откуда была уведена. Таков же и фессалийский способ» (перевод В.Ф. Беляева с исправлением; ср.: Jul. Afr. Cest., 53). Следовательно, данный обычай был характерен для Северной Греции, которая славилась молосской догообразной породой. Следующую использовали для охраны и охоты. В данном случае речь идет о сторожевой собаке, из-за злобности которой никто не решился бы подойти к ней и рассмотреть ее ошейник и которая стремилась вернуться к своему хозяину. И хотя у нас нет прямых данных о подобном использовании собак в военных целях, но, поскольку Эней вставил этот рассказ в свой военный трактат, то оно весьма вероятно.

В период эллинизма (330-30 г. до н.э.) практика использования собак для охраны укреплений не только не потеряла своего значения, но, наоборот, стала всеобщей (Launey 1950: 1017). В этот период эллинистические монархи создают специальные полувойсковые корпуса псарейкинегов (κυνηγοί), во главе с архикинегами (ἀρχικυνηγοί).

В 251 г. до н.э., когда изгнанник Араты и его сторонники ночью хотели проникнуть в Сикион и приближались к городской стене, они перед стеной были встречены собаками одного садовника, а затем их почуял сторожевой пес, размещенный на башне вместе с псарем (Plut. Arat., 5-8). Плутарх отмечает (Arat., 8,1): «было небольшое расстояние от сада до стены и башни, в которой большой охотничий пес нес охрану». Если, собаки садовника, оказались на пути отряда Арата случайно, то сторожевой пес на башне (по мнению П. Русселя, в куртине (Roussel 1930: 365)) находился тут далеко не случайно — здесь был его обычный пост. По-видимому, собаку выводили на башню ночью, ведь животное было охотничье и должно было исполнять и свои основные функции. Этим можно объяснить замечание Плутарха (Arat., 8,1) о том, что пес утомился за день. В отличие от рекомендации Энея, животное в данном случае находилось не перед, а внутри стен, где вместе с ним дежурил псарь. Не ясно, была ли эта дальнейшая эволюция системы охраны или вариант последней. Намного позднее, в эпоху римской империи, в кастеллах лимеса содержали собак с той же целью (Veget. Epit., IV,26). Впрочем это уже другая тема. Военному использованию собак у римлян я посвятил отдельную статью.

В 243 г. до н.э., после освобождения Коринфа от македонского гарнизона и присоединения этого города к Ахейскому союзу, стратег союза Арат поставил в цитадели этого полиса, в Акрокоринфе, гарнизон. «Акрокоринф же охраняли четыреста ахейцев-гоплитов и пятьдесят псарей, и равное число псов, содержащихся в этом укреплении» (Plut. Arat., 24,1). По-видимому, 50

собаководов составляли отдельное подразделение, которому, вместе с голплитами, было поручено охранять акрополь. Причем один псарь имел одно животное. В данном случае собаки, видимо, также находились внутри укрепления и охраняли его от штурма.

Интересные подробности о содержании сторожевых псов мы находим в надписи III в. до н.э. из Теоса в Ионии (Robert 1976: 206-207). В документе рассказывается о союзе этого полиса с соседним городом Кирбиссом. В последнем пребывал фрурарх, обязанности которого указаны в надписи: «Стражами же иметь фрурарху не менее, чем двадцать граждан и трех собак; псов же, купленных городом, передать фрурарху; кормить же этих псов фрурарху». Как видим, количество стражей невелико — двадцать человек. Причем они должны быть набраны не из обычных в этот период наемников, а из граждан, что вызвано, по-видимому, как экономическими (наемникам надо хорошо платить), так и политическими причинами (граждане более надежны). Собак, вероятно, специальных и, следовательно, дорогих, город должен купить на свой счет, но заботиться о них должен фрурарх. Кинегии в надписи не названы, но, возможно, и они должны быть, по одному на собаку.

В Аттике также не пренебрегали всеобщей практикой. Так, на стеле из Рамнунта, установленной в 264/263 г. до н.э. в честь стратега предыдущего года Эпихара, перечисляются заслуги последнего, в частности, говорится: «он построил и двойные сторожевые башни (φυλακτήρια) и еще снабдил там пребывающих собаками, сам давая им корм, чтобы стражи стало больше на приморской территории» (ΠΕΤΡΑΚΟΣ 1967: 39). Таким образом, во время Хремонидовой войны особое внимание уделялось прибрежным территориям Аттики с целью защиты последних от македонского флота. И Эпихар соорудил сторожевые башни, куда поставил, наряду с охраной, еще и сторожевых собак, увеличив тем самым обороноспособность территории. Причем, как особая заслуга стратега, отмечается содержание этих собак за свой счет, что, очевидно, не было предусмотрено его обязанностями.

Естественно, соседи афинян, беотийцы так же не пренебрегали данной практикой. В беотийском городе Феспии тоже существовали четыре архикинега. Они упомянуты в списке магистратов города, среди военных командиров (после 245 г. до н.э.). Последнее говорит об их военной функции. Поскольку эти начальники псарей не отмечены в списках федеральной беотийской армии, то, как справедливо полагает М. Фейель, каждый город имел своих охранников (Feysel 1942: 200-201, 205).

В эллинистических монархиях, обладавших большими средствами, чем небольшие греческие полисы, существовали целые корпуса кинегов. Судя по надписи из Берои, датированной

248/247 г. до н.э., где упоминаются два псаря, такой корпус существовал, как считает М. Лоней, в македонской армии (SIG³. 459; см.: Launey 1950: 1017, п. 3; ср.: Ziebarth 1922: 2528). Впрочем, судя по сообщению Полибия (XXXII,15,5), основная функция «царских псарей» в государстве Антигонидов состояла в сопровождении монарха на охоте.

Значительное количество письменных источников о кинеггах происходит из эллинистического Египта. В грандиозном дионисийском шествии в Александрии, устроенном Птолемеем II Филадельфом (285-246 гг. до н.э.), участвовало и множество собак, которые шли вслед за упряжками различных животных, но перед парадно украшенными пехотинцами и всадниками, число первых достигало 57600, а вторых — 23200 (Athen., V,200e; 202f). Афиной (V,201b), на основании сочинения Калликсена Родосского, пишет: «А за ними шествовали 2 псаря, имеющие позолоченные рогатины. Велись же и две тысячи четыреста собак, одни индийские, а прочие — гирканские и молосские и из других пород». Вероятно, речь идет о двух командирах отрядов, которые были вооружены знаками своей власти, позолоченными охотничьими копьями. Возможно, каждый из командиров руководил 1200 собаками — число довольно значительное, если мы вспомним, что, например, весной 1939 г. во Франции предполагалось содержать 1000 собак для патрулирования, помощи по линии Красного креста, курьерской службы и т. д. (Forster 1941: 114). Наиболее благородными и, в связи с этим, представленными на параде, и в эллинистическом Египте считались индийская, гирканская и молосская породы. Действительно, в папирусе Зенона (29 г. до н.э.) индийские собаки упоминаются как самые обычные (Aymard 1951: 244). Все три породы представлены рослыми собаками, предназначенными для охоты на крупную дичь.

В столице Египта, в Александрии, квартировал корпус псарей под руководством архикинега. Причем в его составе числились различные придворные чины, которые отнюдь не обязательно исполняли свои служебные обязанности в данном корпусе (Cumont 1937: 62; Launey 1950: 1017). В качестве богов-покровителей псари из Панополиса призывали Пана, Ареса, Симмаха и Зевса Олимпийского (Launey 1949-1950: 390; 595; 984-985). Судя по именам, кинегги рекрутировались и из наемников (фракийцы, киренцы), и из греко-македонян, и из египтян. Относительно вооружения отметим, что у одного псаря было, как минимум, по два охотничьих копья, что соответствовало древнегреческой практике. Основной задачей псарей было пополнение парка боевых слонов, а также поставка экзотических животных в царский зверинец (Cumont 1937: 62-64). Однако, судя по попорченной, но реконструируемой надписи птолемеевского гарнизона из Китиона на Кипре (сере-

дина III в. до н.э.), кинегии несли и охранную службу в гарнизонах, согласно эллинистической военной практике (OGIS. 20; Roussel 1930: 361-362).

Итак, мы видим, что античные источники довольно скупо освещают использование собак в военном деле. Естественно, это объясняется небольшим количеством дошедших до нас источников. Судя по последним, греки лучше знали о военном использовании собак у себя в Элладе, менее ясное представление они имели о боевых животных других народов: мы не можем составить четкого представления о функциях боевых собак у гирканцев, кельтов, гарамантов. Наиболее ранние упоминания о боевых собаках происходят из Малой Азии. Здесь еще в начале I тыс. до н.э. была популярна охота на крупных животных (олений, львов) на колеснице с собакой. Видимо, из этой первоначальной охотничьей функции и развилось боевое собаководство. Первоначально в бою использовались те же охотничьи собаки, которых позднее могли специально обучать действиям в битве. Вероятно, в бою собаки, как и в рыцарском средневековье, прежде всего нападали на коней у всадников, которые для них просто представляли вид дичи. А поскольку во второй четверти I тыс. до н.э. в Анатолии, по крайней мере, в ее западной части, на поле боя господствовали

всадники, то нападение на коней тут же на какое-то время лишало их возможности эффективно сражаться. От местных народностей применение собак перешло и к грекам. Когда в VI в. до н.э. фаланга окончательно вытеснила с поля боя архаических греческих всадников и едущих гоплитов, тогда отпала и необходимость использовать собак на поле боя. По-видимому, лишь в IV в. до н.э., в период постоянных войн между греками, непрерывных осад городов, зарождения полиоркеттики как науки, вновь стали активно применять собак для военных целей, во вспомогательных службах: охране, патрулировании и даже доставке сообщений. В период эллинизма, с образованием мощных государств, были созданы и специальные военизированные корпуса псарей, которые занимались разведением и обучением собак, применяемых для охоты, ловли зверей и военных целей, главным образом, для обороны крепостей. Совершенствовалась и сама система охраны. Если в IV в. до н.э. собак привязывали снаружи укрепления, чтобы они ловили перебежчиков и, как можно раньше, поднимали тревогу о подходе врага, то позднее животных стали размещать внутри стен, на башнях, где вместе с ними находились псары, которые должны были определить, почему собака лает и подать знак страже для поднятия тревоги (Plut. Arat., 8).

ЛИТЕРАТУРА

- Айюб М.С. 1994. Гараманты (из истории ливийской цивилизации) // Гарамантида (африканская Атлантида) / Отв. ред. Ю.М. Кобыщанов, А.Ю. Милитарев. М. С. 20-101, 195-207.
- Боголюбовский С.Н. 1959. Происхождение и преобразование домашних животных. М.
- Дьяконов И.М. 1955. Киммерийцы и скифы // Всемирная история. Т. I. М. С. 528-533.
- Зайцев А.И. 1996. Эпиграмма «Палатинской антологии» VII 304 // *Hypoboreus*. Vol. 2. Fasc. 1. С. 139-150.
- Иванчик А.И. 1988. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. № 5. С. 38-48.
- Калинин В.А. 1991-1993. Происхождение собак, порообразование и классификация пород // Вопросы кинологии. 1991. № 1. С. 33-40; 1993. № 1-2. С. 25-30.
- Молева Н.В. 1998. Собака в религиозных представлениях Боспорян // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции. Декабрь 1998. СПб. С. 60-62.
- Нефёдкин А.К. 1998. К вопросу о происхождении фаланги гоплитов // Жебелевские чтения-I. Тезисы докладов научной конференции 28-29 октября 1997 г. СПб. С. 22-25.
- Нефёдкин А.К. 1999. Развитие тактики персидской конницы Ахеменидов // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Сборник научных статей / Отв. ред. А.А. Кудрявцев. Ставрополь. С. 20-32.
- Никулина Н.М. 1994. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана (Из истории мирового искусства). М.
- Aymard J. 1951. Essai sur les chasses romaines des origines à la fin du siècle des Antonins (Cynegetica). Thèse. Paris.
- Barnett R.D. 1977. The Amathus Shield-Boss Rediscovered and the Amathus Bowl Reconsidered // Report of the Department of Antiquities, Cyprus. 1977. P. 157-169.
- Bergk Th. 1882. Poetae lyrici Graeci. Vol. II⁴. Lipsiae.
- Cook R.M. 1952. Dogs in Battle // Festschrift Andreas Rumpf. Krefeld. P. 38-42.
- Cougny E. 1877. Canis // Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments. T. I. Pt. 1. P. 877-890.
- Cumont F. 1937. L'Égypte des astrologues. Bruxelles.
- Dennis G. 1883. Two Archaic Greek Sarcophagi // Journal of Hellenic Studies. Vol. 4. P. 1-22.
- Feyel M. 1942. Polybe et l'histoire de Bœotie au IIIe siècle avant notre ère. Paris.
- Fletcher G.B.A. 1941. Another Word on Dogs in Ancient Warfare // Greece and Rome. Vol. 11. № 31. P. 34.
- Forster E.S. 1941. Dogs in Ancient Warfare // Greece and Rome. Vol. 10. № 30. P. 114-117.
- Hilzheimer M. 1932. Dogs // Antiquity. № 4. P.411-419.
- Jesse G.R. 1866. Research into the History of the British Dog, from Ancient Laws, Charters, and Historical Records. Vol. I. London.
- Keller C. 1909. Die Stammgeschichte unserer Haustiere (Aus Natur und Geisteswelt. Bd. 252). Leipzig.
- Keller O. 1909. Die antike Tierwelt. Bd. I. Leipzig, 1909.
- Körte A. 1895. Kleinasiatische Studien I // Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 20. S. 1-19.
- Launey M. 1950. Recherches sur les armées hellénistiques. T. II. Paris.

- Lhote H. 1982. Les chars rupestres sahariens des Syrtes au Niger, par les pays des Garamantes et des Atlantes. Toulouse.
- Lilij S. 1976. Dogs in Ancient Greek Poetry (Commentationes humanarum litterarum 56. 1976). Helsinki.
- Markoe G. 1985. Phoenician Bronze and Silver Bowls from Cyprus and the Mediterranean (University of California Publications. Classical Studies. Vol. 26). Berkeley — Los Angeles — London.
- Murray A.S. 1898. Terracotta Sarcophagi, Greek and Etruscan in the British Museum. London.
- Myres J.L. 1933. The Amathus Bowl. A Long-Lost Masterpiece of Oriental Engraving // Journal of Hellenic Studies. Vol. 53. P. 25-39.
- Orth F. 1913. Hund // Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumwissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen C. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Bd. VIII. Hbbd. 16. Sp. 2540-2582.
- ΠΕΤΡΑΚΟΣ Β.Χ. 1967. Νέα πηγαί περὶ τοῦ Χρεμωνιδείου πολέμου // "Αρχαιολογικὸν δελτίον. Τ. 22. Μέρος Α'. Σελ. 38-52.
- Picard Ch., Plassart A. 1913. Sarcophages de Clazomènes // Bulletin de correspondance hellénique. An. 37. P. 378-417.
- Robert L. et J. 1976. Une inscription grecque de Téos en Ionie. L'Union de Téos et de Kyrbissos // Journal des savants. P. 153-235.
- Pottier E. 1892. Les sarcophages de Clazomene et les hydries de Caéré // Bulletin de correspondance hellénique. An. 16. P. 240-262.
- Reinach S. 1895. Un nouveau sarcophage peint de Clazomene au musée de Constantinople // Revue des études grecques. T. 8. P. 161-182.
- Richter W. 1966. Hund // Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. II. Lief. 12. Sp. 1245-1249.
- Roussel P. 1930. Les Kunhgoi à l'époque hellénistique et romaine // Revue des études grecques. T. 43. №203. P. 361-371.
- Winter F. 1890. Tonsarkophage von Klazomenai // Antike Denkmäler. Bd. I. Hf. 4 (1889). Berlin. S. 32-34.
- Winter F. 1898. Ton-Sarkophage aus Klazomenai // Antike Denkmäler. Bd. II. Hf. 3 (1895-1898). Berlin. S. 1-4.
- Winter F. 1912. Der Alexandersarkophag aus Sidon. Strassburg.
- Ziebarth. 1922. Kynegoi // Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumwissenschaft. Bd. XX. Hbbd. 22. Sp. 2528.